

фронта около своих братьев, а этого я бы очень хотела.

Мамочка, мы здесь живём оторванные от мира, ничего не знаем, ничего не слышим. Хотя бы вы что-нибудь написали — хочется знать, когда нас освободят от этой кабалы.

Мамочка, вы пишете, что послали маленькую посылку. Но я не получила. Мамочка милая, не нужно мне посылать, я знаю, что вам самим нечего кушать и носить, а я на всё махнула рукой, хожу разутая, раздетая, голодная, ладно, лишь бы добраться домой.

Мамочка и дядя Шура, вы не сможете понять нашу жизнь, если бы увидели, поняли. Тяжело быть в угнетении, но вы не подумайте, что я изменилась, нет, я не могу покоряться этим негодьям. Здесь, как не подчинишься, вызывают в полицию. В общем, мамочка, я не могу писать, когда приеду, всё расскажу, что мы с Клавкой выделявали, несмотря на полицию. А пока до свидания, дорогие. Прошу вас, мамочка, живите дружно с дядей Шурой и ждите Таньку.

Ваша Таня».

Я читаю и перечитываю эти наивные полудетские письма. Какая сила духа! Две девушки, почти девочки, попали в неволю. Ими помыкают злые немки. Но девушки не сдаются. Что их подкрепляет? Верность. Прекрасные слёзы пролила втихомолку Клава над старыми гетрами, присланными из родного Курска. Она вспомнила